

ученые, поэты, что помогает воссоздать картину эпохи и достигнуть эффекта правдоподобия, и незаметно вплести в реальную картину элементы вымысла. Наряду с известными историческими лицами, действуют полностью вымышленные персонажи, вписанные в роман таким образом, что кажется, будто и они в действительности существовали. Сплетение исторического факта с художественным вымыслом, особенности организации нарратива позволяют Кельману размыть границы между реальностью и вымыслом, так что роман соответствует художественному методу писателя, а также поднять проблему создания художественного текста и обозначить роль интерпретации.

Список использованной литературы

1. Кельман, Д. Тыль / Д. Кельман; пер. з ням. В. Гронскай. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2020. – 332 с.
2. Стрельцов, А.А. Человек, знавший всё: Афанасий Кирхер / А.А. Стрельцов // Исторический журнал. – № 4. – 2013. – С. 76 – 91.
3. Holtforth, R.G. Das 18. Jahrhundert war eine tolle Zeit. Interview mit Daniel Kehlmann. [Internet]. – Zugriffsmodus : www.amazon.de/gp/feature.html?ie=UTF8&docId=594143 – Datum des Zugangs : 10.02.2022.
4. Kehlmann, D. Diese sehr ernsten Scherze: Poetikvorlesungen. 1. Aufl. Wallstein, Göttingen, 2007.
5. Kehlmann, D. Tyll / D. Kehlmann. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 2017. – 475 S.
6. Sevim, B. A. Fiktion und Realität in Daniel Kehlmanns neuestem Roman „Tyll“ / B. A. Sevim [Internet]. Zugriffsmodus : <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1209884>. – Datum des Zugangs : 10.12.2021.

А. Ю. Перевезенцева,

канд. филол. наук, доцент (НИУ Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия)

МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ И ИМПЕРИЕЙ: ДРЕВНИЙ РИМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ВЕКА В РОМАНАХ РОБЕРТА ГРЕЙВЗА

***Аннотация.** В романах «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий» английский писатель Р. Грейвз обращается к истории Древнего Рима, начиная со времени правления Октавиана Августа и заканчивая смертью императора Клавдия. Один из ключевых мотивов диалогии – борьба между республикой и империей как формами государственного правления. Р. Грейвз изображает противоречия, присущие эпохе, и показывает, почему римлянам не удалось возродить республику. Не только объективные социально-политические процессы, но и субъективные причины, по мысли автора, влияют на ход истории.*

***Ключевые слова:** исторический роман; философия истории; история Древнего Рима; Роберт Грейвз; император Клавдий.*

А. Y. Perevezentseva,

PhD, Ass.Professor (NRU Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia)

BETWEEN THE REPUBLIC AND THE EMPIRE: ANCIENT ROME OF THE FIRST HALF OF THE 1ST CENTURY IN THE ROBERT GRAVES' NOVELS

Abstract. *In the novels I, Claudius and Claudius, the God the English writer R. Graves refers to the history of Ancient Rome, from the reign of Octavian Augustus to the death of Emperor Claudius. One of the key motives of the dilogy is the struggle between the republic and the empire as forms of government. R. Graves represents the contradictions inherent in the era, and shows why the Romans failed to revive the republic. Not only objective sociopolitical processes, but also subjective reasons, according to the author, influence the course of history.*

Key words: *historical novel; philosophy of history; history of ancient Rome; Robert Graves; Emperor Claudius.*

Английский поэт и писатель Роберт Грейвз (*Robert Ranke Graves*, 1895 – 1985) прожил долгую жизнь и оставил значительное по объему литературное наследие и исследовательские работы. В каждом из направлений – поэзии, прозе, переводах, исследованиях по мифологии – Роберт Грейвз проявил себя как талантливый писатель и оригинальный мыслитель.

В романах «Я, Клавдий» (*I, Claudius*, 1934) и «Божественный Клавдий» (*Claudius the God*, 1935) перед читателем разворачивается картина жизни Древнего Рима периода первых императоров. Произведения написаны от лица императора Клавдия и оформлены как его труд, сочетающий в себе черты автобиографии и исторического свидетельства. «Грейвзу в исторической прозе удается органично совместить художественный и исторический нарратив, не умаляя его «философичности», так как в его текстах (в данном случае речь идет в первую очередь о диалогии о Клавдии) представлены реальные исторические фигуры» [1, с. 215].

Среди предков Роберта Грейвса по материнской линии – немецкий историк Леопольд фон Ранке, основатель немецкого историзма. «Его всего больше интересовала индивидуальность каждого исторического деятеля, получающего под его пером вполне конкретный образ. *Primum agens** (первопричина) истории – личность. Именно здесь он сформулировал фразу, которая стала фундаментом его исследовательского метода и лозунгом профессиональной самореализации многих поколений немецких историков – «писать, как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*), не становясь судьей прошлого и не поучая современников», – такую характеристику дал методу Леопольда фон Ранке историк Н. Баранов. [2, с. 36]

О своих предках Роберт Грейвс упоминает в романе «Goodbye to all that» («Простимся со всем этим» или «Со всем этим покончено», 1929 г.) – не самой известной в России, но одной из самых откровенных книг о Первой Мировой войне. Пишет он и про своего двоюродного деда: «*My mother's father's family, the von Ranke's, was a family of Saxon country pastors, not anciently noble. Leopold von Ranke, the first modern historian, my great-uncle, brought the 'von' into the family. To him I owe my historical method. It was he who wrote, to the scandal of his contemporaries: 'I am a historian before I am a Christian; my object is simply to find out how the things actually occurred,' and of Michelet the French historian: 'He wrote history in a style in which the truth could not be told.' Thomas Carlyle decried him as 'Dry-as-Dust'; to his credit.*» [3, p. 17-18]

Картина исторического прошлого, воспроизведенная в диалогии Роберта Грейвса о римском императоре Клавдии, во многом соотносится с концепцией истории и познания истории Леопольда фон Ранке. Герой стремится сохранить объективность и беспристрастный тон, найти логическое объяснение поступкам своих современников, выявить мотивы их действий, пропуская их через призму собственного восприятия. С первыми лицами в государстве его связывают семейные узы, и личные взаимоотношения накладывают отпечаток на тон повествования, хотя он демонстративно стремится избежать субъективной трактовки характеров, мотивов и исторических событий.

В диалогии Роберта Грейвса затрагиваются важные вопросы философии истории. В ней автор рассуждает о том, почему Рим перешел от республики к империи и как возможно существование тирании и деспотизма в государстве. Главный герой – он же рассказчик – способен рассмотреть эти вопросы с разных точек зрения. Клавдий – горячий приверженец республики, педантичный историк, оказавшийся помимо своей воли императором Рима. Свидетель политических интриг, бессмысленных расправ и дальновидных решений. Ему всяду открыто чуть больше, чем кому бы то ни было. Из-за его физических недостатков никто при дворе не

принимает его всерьез, что фактически сохраняет ему жизнь, но семейные связи с первыми лицами государства, близкое знакомство с их нравами, стремлениями и страхами обнажают тайны дворцовой жизни. Наконец, пылкий ум историка и государственного деятеля позволяет осмыслить многие процессы в жизни Рима и его провинций. Я. Межеричский отмечает, что в тридцатые годы интерес к личности и значению императора Клавдия возрос, и исследователи обратили более пристальное внимание на его роль в истории Рима.[4]

При поверхностном прочтении романы «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий» могут показаться описанием бесконечной череды интриг, изображением жестоких и коварных нравов Рима в первом веке нашей эры. Яркие характеристики персонажей, обилие имен и событий, упоминаемых в романе, отсылают к лучшим образцам античной историографии, в ряду которых, согласно художественной концепции романа, должна стоять данная историческая работа Клавдия. В диалогии неоднократно упоминаются и другие его труды. Известно, что истории Клавдий уделял много внимания: работал над историей Гражданских войн, написал исследования по истории этрусков, истории Карфагена. Однако во II в. н.э. труды Клавдия были утеряны. Остались лишь упоминания, по которым можно судить, что эти исследования были основательными и скрупулезными. Клавдием были также написано восемь автобиографических книг. Об этом написано у Светония: «Сочинил он также восемь книг о своей жизни, написанных не столько безвкусно, сколько бестолково». [5, с. 141] Роберт Грейвз обыгрывает это свидетельство в самом начале романа «Я, Клавдий»: *«Могу добавить, что это даже не первая история моей жизни, написанная мной. Я уже написал восемь томов на эту тему в дар городскому архиву. Прескучная книга, которую я не ставлю ни в грош, но что было делать – положение обязывает. <...> Я не лгал в этой книге, но и не говорил правды в том смысле, в котором намерен говорить здесь»*. [6, с. 14-15] Эту же свою автобиографию, как узнает читатель на первых страницах романа, Клавдий пишет не для современников, а для потомков, он намерен пропитать ее защитным составом и закопать в свинцовом ларце либо просто оставить в случайном месте, чтобы ее обнаружили через тысячу лет. Таким образом, он свободен от давления, страхов и предрассудков, и может описывать события правдиво и откровенно.

Неоднозначная фигура императора и противоречивые свидетельства о его характере и способностях позволяют раскрыть и осмыслить особенности противоречивой и неоднозначной эпохи.

Переход от республики к империи был довольно болезненным. Внутри государства шла борьба: как непосредственно за власть, так и за форму государственного устройства. Она не закончилась ни со смертью Юлия Цезаря, погибшего от руки приверженцев республики, ни во время правления Октавиана Августа, подчеркнуто называвшего себя «принцепсом». Смерть последующих правителей – Августа, Тиберия, Калигулы – возрождала надежды на восстановление прежнего строя.

Изображение исторических событий в диалогии начинается со времени правления Августа. Читатель видит Октавиана и его жену Ливию глазами Клавдия, который приходится Ливии родным внуком. Рассказчик на первых страницах называет Ливию «главным персонажем в первой половине этой истории», и будто извиняется за такой подробный рассказ о ней и ее действиях. Логика сюжета романа подводит к мысли о том, что окончательное установление государственного строя как Империи в Риме - во многом дело рук Ливии. Неожиданное сближение с бабушкой позволяет Клавдию выяснить подробности, которые всегда его интересовали как историка. Ливия без утайки рассказывает ему о своих действиях и их мотивах: республику она считает чужью, и все ее усилия были направлены на то, чтобы после смерти Августа поставить во главе государства своего сына Тиберия.

Безусловно положительный герой в романе - Германик, родной брат Клавдия, отец будущего императора Калигулы. Чрезвычайно лестные характеристики Германика оставили и Тацит, и Светоний, и Р. Грейвз следует описанию его внешности, характера и поступков, которые оставили античные историки. На фоне остальных героев (кроме рассказчика), заботящихся о собственной выгоде или обуреваемых страстями, которые приводят к непоправимым последствиям, Германик - образец идеального гражданина, воина, друга, мужа и отца. Он мечтает возродить республику, но не собирается нарушать клятву верности, данную Тиберию. Кристально честный,

смелый, решительный в лучшем смысле этого слова Германик чуть ли не единственный, кто избежал козней Ливии. Долгое время загадкой остается его смерть. Даже Ливия не знает, чьих это рук дело. В злодеянии спустя несколько лет признается Клавдию Калигула - сын Германика.

Взаимоотношения с Германиком – своего рода «лакмусовая бумажка» в романе, они демонстрируют в сложной и запутанной системе персонажей, чьими поступками движет множество разнонаправленных мотивов, преобладает ли в герое стремление к справедливости или коварство. Но честность и прямолинейность Германика не выдерживает столкновения с лукавством и интригами.

Сенат не испытывал симпатии к Тиберию, и избрал бы Германика, но того не было в Риме. Сенаторы умоляют Тиберия взять власть в свои руки, тот демонстративно отказывается, ссылаясь на возраст (56 лет), отсутствие честолюбия и страх ответственности, но предлагает разделить власть, как это было прежде. Каждая из сторон понимает, что речи лицемерны, но продолжается это довольно долго пока один из сенаторов не ставит вопрос ребром: империя или республика? Тиберий принимает все должности Августа.

Как и во времена Августа, Ливия продолжает руководить государством, и Клавдий пишет о том, что она была очень способной правительницей. Тиберий вынужден лавировать между насмешками сенаторов, которые, хоть и наделили его абсолютной властью, понимают, насколько он зависим от матери, видимостью республики и собственными интересами. Находятся те, кто пытается извлечь личную выгоду, понимая непростую ситуацию. Внешне у Тиберия и с матерью, и с сенатом полное согласие. Но в действительности никто никому не доверяет и каждый ведет свою игру.

Постепенно в Риме складывается такая ситуация, когда ни один человек, приближенный ко двору, не может чувствовать себя в безопасности и вынужден либо не вмешиваться и не высказывать недовольства, либо плести интриги и просчитывать действия окружающих на несколько шагов вперед.

В возрасте восьмидесяти шести лет Ливия умирает. И с этого момента для Рима наступают действительно черные времена. Оказывается, что единственным человеком, который удерживал Тиберия от откровенного террора, была его мать - точнее, страх перед матерью. Однако в романе «Я, Клавдий» изображено и становление характера Тиберия. Его жестокий нрав объясняется не только врожденными чертами характера, но и потерей близких людей, насильственным разлучением с любимой женой и последующей свадьбой с дочерью Августа Юлией, которая была ему неприятна, а также влиянием дурных людей.

Тиберий, который в начале своего правления придерживался весьма умеренной линии и проявлял (не без помощи и поддержки Ливии) политическую мудрость, со временем предается всяческому порокам и практически отходит от государственных дел, переложив свои прямые обязанности на приближенных лиц, но при этом не отказывается от титулов. В доверие к Тиберию втирается Калигула – так же, как до этого он приблизился к Ливии. Калигула не брезгует ничем. Он заручается поддержкой «самого жестокого человека во всем Риме» - сына одного из вольноотпущенников Тиберия Макрона – и вдвоем они действуют сперва в интересах Тиберия, а затем – против него. Светоний излагает несколько версий последних дней и смерти императора Тиберия. В романе «Я, Клавдий» Тиберия душит подушкой Макрон, Калигула стоит рядом.

После известия о смерти Тиберия жители Рима вздохнули с облегчением и надеждой. На страницах романа перечислено такое количество преследований, ложных обвинений, казней, намеков и прямых указаний на разврат и насилие, что непонятно, как государство могло существовать в таких условиях. Ответ на этот вопрос также можно найти в тексте: *«для империи в целом он (Тиберий) был вот уже двенадцать лет мудрым и справедливым правителем. <...> Из шести миллионов римских жителей какие-то две или три сотни страдали от ревнивых страхов Тиберия. А сколько миллионов рабов, жителей провинций и союзников, которые только номинально считались свободными, извлекали выгоду из имперского строя, усовершенствованного Августом и Ливией и поддерживаемого в их традициях Тиберием!»* [6, с. 359]

Таким образом, рассказчик, хотя и придерживается республиканских взглядов и идеализирует республику, отмечает и достоинства империи как государственного устройства, ее историческую и социальную

обусловленность.

Исторические источники сохранили свидетельства о благополучном начале правления Гая Цезаря (Калигулы). Он помиловал многих осужденных при Тиберии, демонстративно уничтожил доносы и свидетельства, выплатил вознаграждения, обещанные еще Тиберием, и вернул несправедливо удержанные средства. Светоний пишет об этом: *«в погоне за народной любовью»* [5, с. 107], в романе дана более жесткая характеристика: *«Сперва Калигуле казалось забавным поддерживать то несообразное с действительностью представление о своем характере, какое было у всех, кроме меня, моей матери, Макрона и еще одного-двух человек; он даже совершил несколько соответствующих своей славе поступков»* [6, с. 417].

Какое-то время новый император ведет двойную жизнь: при внешне благопристойном поведении и взвешенных решениях Калигула проводит время в поиске развлечений, а траты его превышают разумные пределы. Но этого почти никто не замечает. Неожиданно полученные или возвращенные деньги, а также хорошая слава, доставшаяся Калигуле в наследство от отца, приводят к тому, что никто не задумывается о том, как долго может продолжаться это видимое благополучие.

Вновь поднимается вопрос о форме правления, и вновь наступает момент, когда возвращение республики кажется возможным. Калигула охотно взаимодействует с сенатом. Ситуация меняется кардинальным и необратимым образом после внезапной болезни (или ее инсценировки) императора. Калигула впадает в безумие, называет себя богом, и после этого начинается полоса абсурдной жестокости. Ни о каком восстановлении республики отныне не идет и речи. Калигула ставит себя даже не наравне с богами – выше богов. Может ли он при этом делиться властью со смертными?..

Нет смысла перечислять поступки Калигулы, описанные в романе, они в общих чертах известны каждому, кто интересовался римской историей. Но обратим внимание на то, каким образом развиваются взаимоотношения между Клавдием и Калигулой, а также на то, как изображена реакция народа и сената на выходки императора.

Сенат Калигула держит в узде напоминанием о прежних прегрешениях сенаторов. Когда ему напоминают о том, что Тиберий убил родных братьев Калигулы, тот лишь говорит, что Тиберия может критиковать только он сам, ибо он император и волен делать все, что вздумается. Калигула одну за другой разоряет знатные семьи, и многие юноши из хорошего рода оказываются рабами или гладиаторами. Сфабрикованные процессы становятся обычной практикой – и способом обогатить казну, которая стремительно пустела. Возмущение или недовольство оборачивается смертной казнью по обвинению в госизмене. Но не только недовольство может стать причиной для преследования. В восхвалении Калигула может усмотреть насмешки, в молчании – пренебрежение.

Народ остается на стороне императора благодаря развлечениям, какие раньше сложно было представить и раздаче денег. Когда деньги заканчивались, он велел тем, кому не досталось, вымещать свое недовольство на тех, кто успел их получить.

Никого из приближенных Калигула не держит при себе достаточно долго. Под тем или иным предлогом, тайно или при широкой огласке он избавляется от тех, кто оказывает ему поддержку, как только они становятся достаточно сильны и влиятельны. Единственное исключение – дядюшка Клавдий. Над ним он всячески издевается, подначивает других делать пакости, и Клавдий становится при дворе кем-то вроде шута.

Клавдий во всем потакает императору. Он, ни на секунду не сомневаясь в том, что Калигула безумен, в лицо ему говорит лишь то, что тот хочет слышать, превозносит его способности, слушает, как он восхваляет собственные пороки, которые, по мнению Калигулы, являются свидетельствами его божественного происхождения. Он успокаивает народ во время волнений, и это, с одной стороны, предупреждает мятеж и напрасное кровопролитие, но с другой – продлевает дни кровавого тирана. Клавдий же советует Калигуле скорее объявить народу о своей божественной сущности, и еще больше распаляет его самолюбие. Он оправдывает себя и сенат тем, что им ничего не оставалось делать, так как за спиной у Калигулы стояла армия.

Правление императора Калигулы, начавшееся при искренней поддержке народа, сената и армии, несколько лет держится на постоянном страхе, периодической раздаче денег бедным и разорении состоятельных семейств, бесплатных развлечениях, на преданности армии, которой меньше всего касаются неадекватные поступки Калигулы, привлечении германцев, которым была глубоко безразлична судьба римских граждан, в качестве наемников, и лицемерии приближенных императора. Но твердого решения троих человек хватило для успешного заговора. И главную роль в этом сыграл Кассий Херея – старый мужественный солдат, образец воинской доблести. Кассий, следуя понятиям о чести, терпит сложившееся положение в государстве до тех пор, пока его честь не была растоптана постоянными насмешками, которые не имели под собой никаких оснований. Его поведение противопоставлено поведению Клавдия. Привыкший к военной дисциплине (к тому же Кассий Херея служил под предводительством отца Калигулы Германика), он до последнего не вмешивается в политические игры, не упрекает, но и не лебезит. Заговорщики намереваются возродить республику, однако явное упоминание об этом читатель находит уже на страницах второго романа. [7, с. 85]

Сцена обнаружения Клавдия, испугавшегося криков о смерти Калигулы и спрятавшегося за занавеской во дворце, трагикомична. Он падает в ноги солдатам, умоляя его пощадить, а те сперва не узнают, кто это, затем приходят к мнению, что Клавдия можно использовать для умирения гнева германцев. Все в смятении. Отряд германцев в ярости, и римляне боятся, что те будут жестоко мстить за смерть Калигулы, которому они были верны и в чьей божественной сути не сомневались. Слова о республике звучат среди римских военных, но уже иначе: «К черту республику! Наша единственная надежда – новый император. Любой император, лишь бы нам удалось убедить германцев его признать!» Клавдий сопротивляется: *«Я не хочу быть императором! Да здравствует республика!»* - и говорит, что скорее покончит с собой, чем примет этот титул. Солдаты не воспринимают его слова всерьез, а жена Мессалина умоляет согласиться, чтобы сохранить в безопасности ее жизнь и жизнь их ребенку. Клавдий, как обычно, подчиняется обстоятельствам (*«Больше я не протестовал. Что толку спорить с судьбой?»*) [6, с. 507].

В период правления Августа, Тиберия и Калигулы (т.е. на протяжении всего романа «Я, Клавдий») основное и любимое занятие Клавдия – история (даже в момент провозглашения императором он думает о том, что теперь он сможет познакомиться с секретными архивами, и это прекрасная возможность для историка). Он пишет историю, находясь в гуще исторических событий, но не принимая в них непосредственного участия, хотя иногда его действия и поступки влияют на развитие событий, имеющих историческую значимость. Р. Кэнери отмечает, что в первой книге дилогии Клавдий активно участвовал в слишком малом количестве событий, во второй же – в слишком большом. [8, р. 84-85] Его погруженность и осведомленность о прошлом и настоящем позволяет нарисовать детальную картину эпохи, и, по словам Кэнери, Грейвз будто упивается такой возможностью.

Второй роман, также написанный в форме автобиографии Клавдия, начинается с воспоминаний и анализа того самого дня, когда Клавдий против своей воли был объявлен императором. То, как он оценивает произошедшее, демонстрирует, что взгляды его не изменились. Начиная свой рассказ уже как правитель Рима, Клавдий прежде всего извиняется за то, что позволил себе стать монархом. Он просит не считать его лукавым приспособленцем и призывает понять, в каком трудном положении, перед каким тяжким выбором он оказался. После убийства Калигулы и его мучают совесть, терзает страх за свою жизнь и пугает ответственность. Решение принимают за него: гвардейцы, жена и близкий друг Ирод Агриппа, истории которого уделено значительное место в романе.

Клавдий упоминает об историческом совещании сената, на котором он, к его великому сожалению, не присутствовал. Сенаторы ликуют – те, кто только вчера выполнял любую прихоть Калигулы, сегодня пытаются превзойти друг друга в восхвалении республики и не сомневаются в ее возрождении. Дебаты в сенате продолжаются и ночью, теперь при участии гвардейцев. Кассий Херея в гневе напоминает, что убийство Калигулы было совершено ради восстановления республиканского строя.

В словесном противостоянии армии и сената победу одерживают военные. Они прямо заявляют, что при императоре живется неплохо, если это хороший император. Офицеры прямо из здания сената отправляются присягать на верность Клавдию, а сенаторы тут же оставляют мечты о республике. Роль армии в политике Рима и установлении империи чрезвычайно высока. В эпоху ранней империи армия была основным социальным лифтом. В период республики войска набирались для проведения военной кампании и распускались после ее окончания, построение военной карьеры и, соответственно, получение материальной выгоды и социального продвижения происходило гораздо медленнее.[9, с.90]

Получив всю полноту власти, Клавдий не перестает оправдываться перед читателями. *«Одним из основных направлений мысли Клавдия является республиканизм с одной стороны и ненависть к тирании – с другой. <...> Империя – политическая реальность; прежняя республика – мечта. <...> подобно Августу, он напрасно ждет благоприятного момента для ее восстановления».* [10, р. 53] Продолжение существования империи он объясняет полной разрухой в экономике и государственном управлении. Он размышляет о том, что передать власть в руки кого-то еще – это риск. Если полномочия правителя ограничить малым сроком, скорее всего, он будет пренебрегать обязанностями, если назначить продолжительный срок – он, вероятнее всего, пожелает укрепить свое положение, и римляне получают очередного деспота. Тех, кто разбирается в государственных делах хуже самого Клавдия, он считает недостойными стоять во главе Рима, а если его пост займут более талантливые, то монархия еще больше укрепится.

Клавдию удастся удерживать курс между тиранией и сенатской властью. Фактически все ключевые решения принимаются им, однако он каждый раз испрашивает на это дозволения Сената. Таким образом, ему удастся не восстановление республики, а возрождение (с определенными оговорками, разумеется) системы государственного управления, существовавшей при Августе.

Победа в Британии обеспечила Клавдию место в ряду прославленных римских завоевателей, укрепило безопасность и престиж Римской империи. В тексте неоднократно звучит мысль о том, что миссия Рима – нести цивилизацию. Два – три года после победы в Британии – лучшее время для Клавдия. Ему удастся навести порядок в делах Рима, справиться с основными угрозами, пополнить казну, в это время ведутся грандиозные работы, которые должны обеспечить Риму еще большее процветание. Но вместо уважения со стороны сената Клавдий сталкивается либо с подбострастием, либо с подозрительностью.

К 46 году (Р. Грейвз на полях указывает год, о котором идет речь, в обеих книгах диалогии) император Клавдий приходит к мысли, что он сделал все, что необходимо и продумал ряд мер по обеспечению дальнейшего устойчивого развития. Он намеревается завершить реформы и передать власть сенату. Вновь он упоминает о том, что Август собирался восстановить республику, но не сделал этого из-за Ливии, а Тиберий – из страха перед всеобщей ненавистью. «Но я действительно собираюсь отречься от престола. Совесть моя чиста, а Мессалина не Ливия», - эти слова Клавдия нарочито двусмысленны. [7, с. 460] Даже несведущий читатель к этому времени получил уже достаточно намеков на то, что Мессалину и впрямь нельзя сравнивать с Ливией. Долгое время Клавдий не подозревает, что о кознях и похождениях горячо любимой им супруги известно всему Риму – всем, кроме него.

Клавдий узнает правду о поведении своей жены после ее свадьбы с сенатором Силием – свадьбы, на которую Клавдий сам дал согласие, потому что Мессалина убедила его, что только таким образом можно обвести судьбу вокруг пальца, ведь придворный астролог предсказал скорую смерть ее мужу. Рассказ о том, что происходило на свадьбе и о том, как Мессалина вела себя на протяжении многих лет, пользуясь безграничным доверием мужа, действует на Клавдия самым удручающим образом.

С этого момента читатель романа ясно видит, что Клавдий потерял смысл жизни, утратил всякую волю и надежду. Он не проявляет более никакого интереса к судьбе государства, не веря больше в справедливость и отворачиваясь от того, что он считал своим главным предназначением и к чему шел (и вел Рим) на протяжении многих лет. Когда он узнает о смерти Мессалины, он просит отнести его в Лукулловы сады - последнее

пристанище бывшей жены, где пишет длинное стихотворение. В нем он размышляет о своих мечтах возродить республику, о том, почему этого не произошло при Августе, Тиберии, Калигуле, о том, почему он сам не мог сделать этого раньше. Это стихотворение-исповедь главного героя дилогии кратко излагает основную идею обоих романов, подводит черту под попытками и стремлениями вернуться к республиканскому строю. Клавдий пишет и о злодеяниях своих предшественников, и о своей главной ошибке - слишком он был добр, и в результате «примирил Рим с монархией». Начинается оно словами:

«Я люблю свободу, а не тиранию.

Я римский патриот.

Римлянин от природы республиканец.» [7, с. 518]

а заканчивается:

«Меч тирании тупить - моя большая ошибка.

Отточив его, может, вину искуплю.

Лишь насильем лечат насилье.

А мне надо помнить: я - царь Чурбан.

Плюхнусь-ка я в тихий омут.

Пусть всплывет ядовитая муть.» [7, с. 520]

Все последующие действия Клавдия, в том числе женитьба на племяннице Агрипинилле, матери будущего императора Нерона, продиктованы лишь тягой к саморазрушению. В Агрипинилле он находит тот тип женщины, который был ему хорошо знаком с ранних лет - безжалостная и властолюбивая, она, как и Ливия, стремится только к власти и к возведению на трон своего сына от первого брака. И он наперед знает, чем закончится желание матери править через своего сына, над которым она чувствует полную власть. Однако и Клавдий ошибается. Как показала история, Нерон не только отстранил от власти свою мать, как это сделал в свое время Тиберий, но и решился на убийство. Впрочем, это событие римской истории уже выходит за временные рамки романа.

Историки видят в кровосмесительном браке императора с родной племянницей свидетельство разврата, однако в романе «Божественный Клавдий» автор явно дает понять, что императором руководила вовсе не страсть, а расчет - свалить груз государственных обязанностей и плыть по течению, а супружеских отношений между Клавдией и Агрипиниллой не было.

Клавдий отдает себе отчет в том, что Агрипинила избавится от него, как только он станет ей не нужен. Понимает он и то, что его четвертая жена непременно устранил его сына от Мессалины. Пытаясь спасти Британика от этой участи, он относится к нему подчеркнуто холодно, и лишь чувствуя приближение смерти, призывает его к себе и беседует по душам. Британик прощает отца и просит дать ему шанс состязаться с Нероном в борьбе за власть: *«Сделай нас сонаследниками, и мы еще посмотрим, чья возьмет. Это мое право как твоего сына. Да и не верю я в республику. Нельзя повернуть время вспять. Это слова моей прабабки Ливии, и она была права. <...> Республика мертва, мертва для всех, кроме таких ветхозаветных людей, как ты и Сосибий. Теперь Рим - империя, и выбирать можно только между хорошим императором и плохим».* [7, с. 556]

Список использованной литературы

1. Бондаренко, М. И. Философия истории в романах Р.Грейвза «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий»// Вестник ТПГУ, 2015.6 (159) – С.215 – 218
2. Баранов, Н. Н. Леопольд фон Ранке: историк и его метод / Н. Н. Баранов // Россия и мир: панорама исторического развития : сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [ИПМП "Волот"], 2008. – С. 36 – 41

3. Graves, R. Good-bye To All That: An Autobiography by Robert Graves – London, 1929. – 347 p.
4. Межеричский, Я. Ю. Клавдий: историк и император // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Под ред. В. М. Строгоцкого. – Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. институт, 1991. – С. 56 – 71.
5. Гай Светоний Транквилл, Жизнь двенадцати цезарей/ Гаспаров М. Л., Штаерман Е. М., отв.ред. Утченко С. Л. – М., изд-во «Наука», 1993. – 367 с.
6. Грейвз, Р. Я, Клавдий / пер. с англ. Г. Островской – М.:Эксмо; СПб.: Домино, 2006. – 527 с.
7. Грейвз, Р. Божественный Клавдий / пер. с англ. Г. Островской – М., СПб., 2006. – 592 с.
8. Canary, Robert H. Robert Graves – Boston , 1980. – 167 p.
9. Паттерсон, Дж., Военная организация и социальные перемены в поздней римской республике// Patterson J. Military organization and social change in the later Roman Republic // War and society in the Roman world / Ed. by Rich J., Shipley G. – L.; N.Y., 1993. – P. 92 – 112. // Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам. Война и античное общество. (Современная зарубежная историография) Реферативный сборник, М., 2004. – 132 с.
10. Mehoke, J.S.R. Graves: Peace-weaver. – Mouton, 1975. – 168 p.

О. В. Разумовская,

канд. филол. наук, доцент (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия)

**«ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» ДЖОНА МИЛТОНА И АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(ПРОБЛЕМА «ИДЕНТИФИКАЦИИ» ПРОТОТИПОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ ПОЭМЫ)**

Статья посвящена анализу интерпретации основных идей и центральных образов милтоновского религиозно-философского эпоса «Потерянный рай» критиками советского периода (Р. Самариным, А. Аникстом, А. Чамеевым). Одним из наиболее популярных методов отечественного милтоноведения был поиск исторических прототипов главных героев поэмы, в результате чего фигура Люцифера нередко рассматривалась как собирательный образ революционера либо, напротив, портрет «врага свободы» – английского монарха Карла I, а в ряде интерпретаций приобретала черты самого поэта. В докладе анализируются примеры искажения изначальных смыслов и контекстов милтоновской поэмы в советской критике.

Ключевые слова: Джон Милтон; Люцифер; прототип; пуританство; советская критика; эпос

O.V. Razumovskaya,

PhD, Ass.Professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia)

**JOHN MILTON'S 'PARADISE LOST' AND THE ENGLISH REVOLUTION (THE PROBLEM OF SEARCH
FOR THE PROTOTYPES OF THE PROTAGONISTS OF THE POEM)**

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the interpretation of the main ideas and central images of Milton's religious and philosophical epic «Paradise Lost» by critics of the Soviet period (R. Samarin, A. Anikst, A.Chameev). One of the most popular methods of Soviet Milton studies was the search for historical prototypes of the main characters of the poem, as a result of which the image of Lucifer is perceived as a collective image of a revolutionary or, on the contrary, a portrait of the "enemy of freedom" – the English monarch Charles I, and in a number of interpretations acquires the features of the poet himself. The article examines examples of distortion of the original*